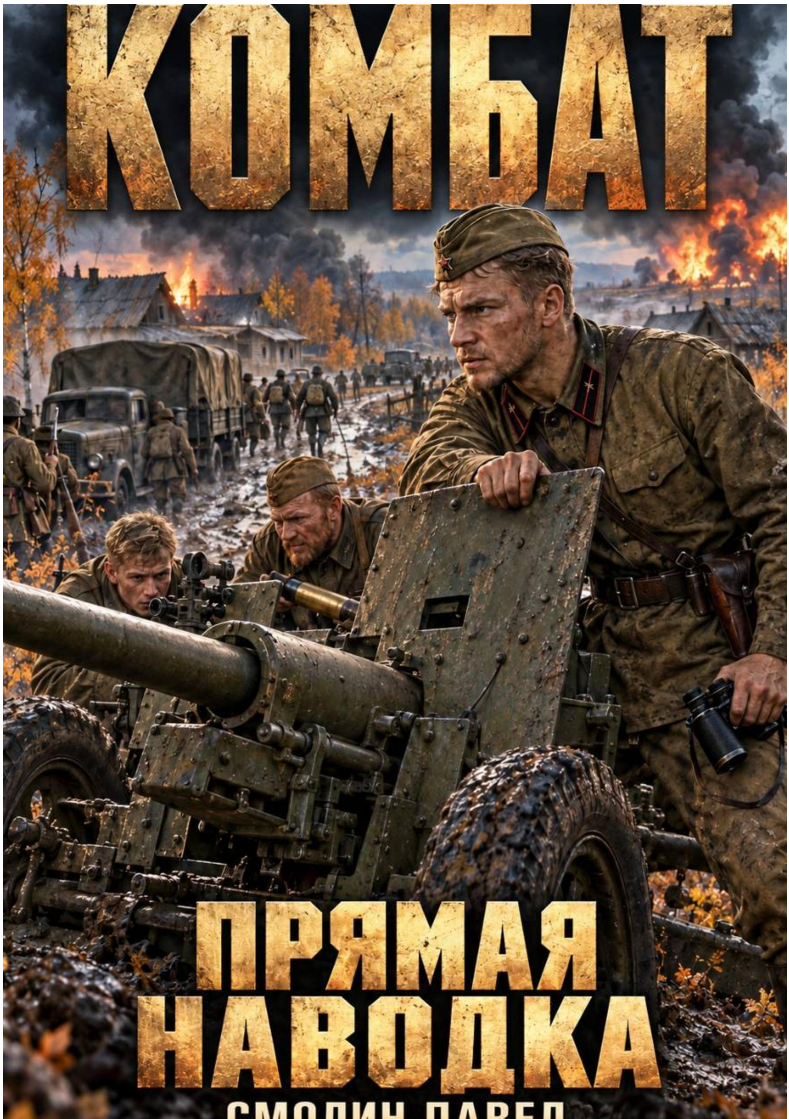
КОМБАТ
ПРЯМАЯ НАВОДКА
СМОЛИН ПАВЕЛ

Павел Смолин
Комбат. Прямая наводка

https://litres.ru/74671489
SelfPub; 2026

Аннотация

Осень 1941 года. После немецкого налёта от артиллерийской батареи остались разбитые машины, раненые и одна пушка, которую ещё надо вытащить из оврага.

В теле молодого старшего лейтенанта Михаила Каменева приходит в себя офицер из другого времени. Он знает артиллерийское дело. Но не помнит ни одного человека, которым теперь должен командовать.

До своих — дороги, забитые отступающими. Позади — немецкие передовые части. Впереди — переправа, где никто не собирается ждать ещё одну потерянную батарею.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 22
Глава 3 40
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Павел Смолин
Комбат. Прямая наводка

Глава 1

Земля под щекой была тёплой.

Я успел удивиться этому, прежде чем справа хлопнуло и по спине застучали мелкие комья. Один попал за ворот. От него пахло горелой резиной.

— Лежи, твою мать!

Кто-то навалился мне на ноги. Я дёрнулся, пытаясь перевернуться, и получил такую боль под затылком, что перед глазами сделалось бело.

Пришлось лежать.

Пахло бензином, дымом и разрытой землёй. Во рту хрустел песок. Я осторожно провёл языком по зубам: все на месте. Уже имущество.

— Живой, товарищ старший лейтенант?

Я открыл глаза.

Перед лицом торчала жёлтая трава, припорошенная чёрным. Дальше лежало колесо с деревянными спицами. Ещё дальше горела грузовая машина. У неё осел передок, а над кузовом билось пламя, высокое и почти бесцветное на дневном свету.

Старшим лейтенантом я не был уже лет пятнадцать.

— Слезь, — сказал я.

Голос оказался чужим. Молодым, хриплым, с какой-то непривычной звонкостью в носу.

С ног убрали тяжесть. Я упёрся ладонью в землю и приподнялся на локте.

Рука была моя только в том смысле, что слушалась. Узкая кисть, содранная кожа на костяшках, грязный рукав гимнастёрки. Часов не было. Старого белого шрама у большого пальца — тоже.

— Не вставайте пока. Вас хорошо приложило.

Рядом сидел красноармеец с окровавленным ухом, держа винтовку между колен.

Я потрогал затылок. Пальцы стали мокрыми.

Крови было немного. Последним, что я помнил, был голос в трубке: «Миш, справа…» Потом удар по перекрытию, погасший свет.

Слева затрещала винтовка. Через паузу ещё раз.

Я повернул голову.

На краю поляны стоял на колене боец и стрелял в небо. Дёргал затвор, целился, снова стрелял. Ни самолёта, ни даже звука мотора я уже не слышал.

— Кто там палит?

Красноармеец возле меня оглянулся.

— Гришка.

— Позови.

— Товарищ старший лейтенант…

Я посмотрел на него.

Он поднялся и крикнул:

— Гришка! К комбату!

Тот не услышал. Или не захотел. Я встал сам.

Ноги понесли меня чуть левее, чем я рассчитывал. Пришлось схватиться за обгорелый ствол молодой сосны. Под ладонью осыпалась кора.

Поляну пересекала просёлочная дорога. На дороге стояла горящая машина, за ней, наискось, другая, с открытым капотом. У леса валялась лошадь. Её задняя нога иногда дёргалась. Возле придорожной канавы двое тащили третьего за подмышки; пятки волочились по грязи. За кустами виднелся артиллерийский щит, странно наклонённый, будто орудие пыталось лечь набок.

Тот, которого назвали Гришкой, опять выстрелил.

Я дошёл до него, положил руку на ствол и отвёл вниз.

Боец обернулся. Совсем мальчишка. Одна щека чёрная, другая в веснушках.

— Всё, — сказал я. — Улетели.

Он смотрел мимо меня.

Я взял его за подбородок и повернул лицо к себе.

— Смотри сюда. Фамилия?

— Б… Белов.

— Белов, на предохранитель. Вон раненого несут. Помоги.

Пришлось заставить его повторить, что делать. Потом он пошёл. Сначала неровно, потом быстрее.

Собственный рукав был заляпан кровью. На груди болтался ремень бинокля, под мышкой давила кобура. Я расстегнул её большим пальцем.

ТТ.

У второй машины возился широкоплечий человек с четырьмя треугольниками в петлицах. Один рукав гимнастёрки у него был закатан выше локтя, другой порван от плеча до манжеты. Он просунулся в кабину, вытащил оттуда вещевой мешок и бросил на землю.

— Старшина!

Он повернул голову.

На коротком, тяжёлом лице не было радости. Только оценка: стоит, разговаривает, значит, ещё годен.

— Очнулись, товарищ старший лейтенант.

— Кто старший на месте?

Он помолчал секунду.

— Теперь вы.

— До меня кто был?

— Лейтенант Берестов. Под машиной остался.

Я посмотрел на горящий грузовик. Старшина проследил за взглядом.

— Не под этой. В овраге. Там уже не вытащишь.

— Фамилия?

Старшина нахмурился.

Я убрал руку от затылка, показал ему кровь на пальцах.

— В голове звенит. Имена путаю. Назовись.

— Кулешов. Степан.

— Что осталось, Кулешов?

— Люди в лес пошли. Кого собрал — здесь. Двое тяжёлых, ещё трое перевязаны. Шофёр с ногой лежит, ездить не может. Машина вон…

Он кивнул на открытый капот.

— Встанет?

— Вода вытекла. Радиатор посечён. И колесо переднее. Я не механик, но далеко она не поедет.

— Кто людей собирает?

— Я и собираю.

— Где командиры расчётов?

— Лобанов тут. Остальных не видел.

— Позови. Всех, кто может ходить, к бугру. По дороге не стоять. За вещами без разрешения не ходить.

— Климова к дороге послал, — добавил старшина. — Наших искать. Уходить надо.

— Как вернётся, сразу ко мне. Пока поймём, кого несём и на чём.

— На себе. Больше не на чем.

— Мешок чей? — спросил я.

— Санитарный. Под сиденьем был.

— Вот с него и начнём.

Кулешов перекинул мешок через плечо. У бугра было уже

семь человек. Один лежал неподвижно, прикрыв глаза рукавом. Второй, с раздутой штаниной, пытался приподняться, но Кулешов придерживал его за грудь.

— Лежи, лежи. Сейчас.

Я опустился рядом. Раненый был белый до синевы, губы дрожали. Кровь пропитала шинель, на которой его принесли. Санитар нашёлся тут же: худой парень с сумкой, у которого тряслись руки. Он начал докладывать, запнулся, посмотрел на Кулешова.

— Докладывать после. Что нужно?

— Держать. Штаны разрезать надо.

— Белов, нож есть?

Мальчишка не ответил.

Кулешов сам вытащил нож из кармана, подал рукоятью вперёд. Я перехватил плечи раненого, чтобы не бился. Он попытался ухватить меня за рукав.

— Орудие…

— Потом.

— Товарищ…

— Лежи. Нам ещё тебя кормить.

Он выдохнул со свистом. Пока санитар работал, я держал его за плечи.

— Отпускайте, — сказал санитар.

Я убрал руки.

— Фамилия твоя?

— Рябцев.

— Рябцев, все раненые — твои. Кого можно отправить пешком, скажешь старшине. Кого нести, тоже. Белов останется помогать.

Санитар глянул на мальчишку.

— Он сам…

— Он сможет. Белов, сможешь?

Тот кивнул.

— Вот. Нужны руки — зови. Молча геройствовать здесь не требуется.

На подходе хрустнули ветки. Из леса вышел сухой сержант, придерживая ремнём гимнастёрки обмотанную шею. За ним шёл большой красноармеец с рыжей щетиной. У большого в каждой руке было по снарядному ящику.

— Лобанов, — сказал сержант, остановившись передо мной.

— Павел, — добавил Кулешов. — Командир третьего.

Лобанов коротко посмотрел на старшину, потом на мою окровавленную ладонь. Вопросов не задал.

— Чумаков, поставь, — сказал он большому.

Тот опустил ящики и разогнулся с долгим кряхтеньем.

— Чего принесли?

— Снаряды, — ответил Лобанов.

— Вижу. Куда?

— К третьему. Оно цело.

* * *

Пушка стояла метрах в семидесяти от дороги, у края мел-

кого оврага. Одна станина соскользнула вниз, правое колесо ушло ступицей в рыхлую землю. Перед щитом лежала сломанная берёза. Верхушка её запуталась в ветвях, и от малейшего ветра над стволом шуршали листья.

Слева от орудия светловолосый парень с окровавленным виском держал на коленях панораму.

— Сазонов, прицел убери, — сказал Лобанов. — Потом проверим.

Я обошёл пушку.

Близкий разрыв оторвал часть веток и осыпал щит землёй. На кромке щита белели свежие задиры. Одна рукоятка была погнута. Под колесом торчал толстый корень, в который упёрся обод. Деревянный ящик возле станины развалился, инструмент рассыпался по траве.

Я присел и провёл ладонью под металлом, где ожидал почувствовать течь. Пальцы остались сухими, если не считать моей собственной крови.

— Что проверял? — спросил я Лобанова.

Он перечислил. Без спешки, показывая рукой. Сказал, где ещё не смотрел, где может мешать земля. О повреждениях, которых не было видно, судить не взялся.

— Работу механизмов покажешь. Сначала уберём дерево.

Кулешов стоял на другой стороне овражка. Он осмотрел пушку, людей возле неё и спросил:

— А раненых кто потащит?

— Пока никуда не тащим. Сначала укладываем, перевя-

зываем.

— Потом потащим. Их двое лежачих. На каждого четверо. У вас тут как раз восемь на пушку уйдёт.

Лобанов молча смотрел на меня.

— Всего сколько насчитал?

— Четырнадцать. С вами и лежачими. Климов отдельно, ещё нет его.

— Лобанов, расчёт сколько?

— Нас четверо. Пятого придавило, его к раненым унесли. Осипов с нами, Чумаков, Сазонов.

Я повернулся к старшине.

— Четверо остаются здесь. Остальные с тобой. Пушку сейчас из оврага не тащим. Проверим, подготовим. Одного поставишь у дороги смотреть машины. Если будет своя — останавливать, звать меня. Под колёса не кидаться.

— А если не будет?

— Придётся искать самим.

— Пока искать будем, эти двое и помрут.

Кулешов не повышал голоса. От этого его слова звучали только неприятнее.

— Старшина, чего ты от меня хочешь?

Он ответил сразу:

— Чтобы раненых первыми. А то сейчас начнём за железо цепляться. Потом спешка, потом одного некому взять, второго не на чем. Знаем.

За спиной у меня шуршала листва. Сазонов застыл возле

щита. Чумаков смотрел вниз, будто разговор его не касался.

— Без раненых не уйдём, — сказал я.

— Это как приказ понимать?

— Это как мой приказ и понимать. Передашь всем. Теперь скажи, что тебе нужно прямо сейчас.

Кулешов ещё секунду смотрел на меня.

— Брезент с машины. Пока не загорелся. Жерди. Вода есть, мало. И фельдшера бы.

— Фельдшера пока нет. Остальное доставай. С той машиной осторожно, соседняя горит. Не добраться — бросишь.

Старшина ушёл.

Лобанов дождался, когда он скроется за кустами.

— Вручную далеко не укатим.

— Знаю.

— Там подъём к дороге. Нас бы ещё четверых. Вчетвером не возьмём.

— Поэтому пока готовим. Прицел, затвор, колёса. Чумаков, топор найдётся?

Большой боец кивнул на инструмент возле разломанного ящика.

— Этот бери. Дерево освободить, под колесо настил приготовить. По моей команде тянуть будем. Сейчас не надорвись.

— Я-то чего, — сказал Чумаков. — Надорвался уж. Женился в двадцать втором.

Сазонов фыркнул.

Чумаков поднял топор, проверил посадку железа и пошёл к берёзе.

* * *

Отойдя от пушки, я достал удостоверение. Каменев Михаил Алексеевич, старший лейтенант. С фотографии смотрел незнакомый молодой человек с упрямым ртом. Двадцать шесть лет, если верить дате рождения.

На донесении в планшете нашлась дата. Осень тысяча девятьсот сорок первого года.

В голове не было ни сведений о батарее, ни лиц её бойцов. Только оборванный голос в телефонной трубке — из моей жизни. Я провёл пальцами по чужой щеке и закрыл удостоверение.

— Товарищ старший лейтенант!

Осипов стоял метрах в трёх и старался не смотреть на документы в моей руке.

— Там Рябцев спрашивает, вас перевязать можно? У него руки освободились.

— Иду.

Поднявшись, я ощутил, как земля наклонилась. Пришлось постоять, упершись ладонью в сосну.

Осипов сделал движение ко мне.

— Не надо. Скажи лучше, где остальные орудия.

— Первое за дорогой. Там прямо в него. Второе с машиной в овраг свалилось. Четвёртое дальше было, у поворота. Я туда не ходил.

— Командир взвода?

— Лейтенант Берестов…

— О нём знаю. Второй?

— До налёта вперёд уехал. Васильев. За приказом, вроде.

Я запомнил фамилию.

— Тогда со мной. Посмотришь, что у поворота. Одного не пошлю.

Он как-то сразу подобрался.

— А Лобанов велел вернуться.

Я уже открыл рот, чтобы сказать: вернёшься потом. И закрыл.

В расчёте было четверо. Я сам только что считал их по головам, сам оставил работу и уже собирался выдернуть одного.

— Правильно велел. Возвращайся. Пусть займёт тебя по делу.

Осипов ушёл. Я посмотрел ему вслед и пошёл к раненым.

Рябцев усадил меня на ящик и перевязал голову. Посоветовал полежать. Я обещал — позже. О раненых сказал, что обоим нужно к врачу, одного придётся нести на жёстких носилках.

Кулешов приволок брезент. За ним шли двое с жердями. Старшина поставил возле Рябцева найденную флягу, откинул ногой обрубок ветки и присел перед лежачим.

— Ну что, Фомин, на казённом поедешь. Я тебе ещё за тот брезент взыскание устрою.

Раненый открыл глаза.

— Машину…

— Знаю. Ничего не говори.

Я посмотрел на людей. Пятеро, которых я ещё не знал. Санитар. Белов. Двое лежачих. Один с перевязанным плечом сидел отдельно и левой рукой пытался свернуть самокрутку. Табак просыпался на колено.

Кулешов достал огрызок карандаша и клочок бумаги. Начал записывать людей. Я слушал фамилии, повторяя про себя.

— Оружие у всех? — спросил я.

Не у всех.

У пехотинца винтовку переломило. У санитара была только сумка. Кулешов поставил против фамилий короткие чёрточки.

— Сможешь ходить, — сказал я пехотинцу, — возьми второго. За дорогу, к разбитому орудию. Людей ищете, живых. Что с пушкой, посмотрите издали. В огонь не лезть. Через пять минут назад, даже если ничего не найдёте.

— Понял.

— Повтори.

Он повторил, уже без охоты. Я выслушал. Пусть злится. Слово «ищете» каждый мог понять по-своему, особенно когда вокруг валялось столько нужного имущества.

Кулешов оторвал кусок бумаги со списком, подал мне.

Четырнадцать человек. Климов, ушедший вперёд, пятна-

дцатый. Я сложил список в планшет.

* * *

У пушки уже лежали обрубленные ветки. Чумаков просунул под корень топорище, попробовал рычаг и убрал его. Должно быть, Лобанов запретил ломать единственный топор.

Сазонов вращал рукоятку, сержант смотрел на движение ствола. Когда я подошёл, оба остановились.

— Ну?

Лобанов доложил. Затвор работал, механизмы наведения тоже. Погнутая рукоятка задевала щит, но повернуть удавалось. Насчёт отката мог сказать только после выстрела.

— Ствол осмотрели?

— Осмотрели, протёрли.

Он показал. Я проверил то, что мог проверить, не изображая знатока именно этой системы. Попросил ещё раз провести механизм по всему доступному ходу. Сазонов посмотрел недовольно, но сделал.

В одном месте пошло туже.

— Здесь что?

— Земля набилась, — сказал наводчик. — Вычистим.

— Тогда вычисти сейчас.

Он взял ветошь.

В стороне хлопнуло. Мы все одновременно присели. Где-то у дороги затрещало, повалил более густой дым.

Чумаков приподнял голову.

— Добро кончается.

— Какое? — спросил Сазонов.

— Народное.

Он вылез из-под щита и отряхнул колени.

Я посмотрел на ящики. Два Чумаков принёс, ещё несколько стояли за бруствером старой канавы. Тут, видно, собирались на короткую остановку и успели часть сгрузить.

— Что со снарядами?

Лобанов назвал число. Исправных на вид было двадцать восемь. Отдельно лежали два выстрела, по которым он сомневался: рядом прошёл осколок, задел гильзы.

— Эти отдельно и оставить, — сказал я. — В общую кучу не класть. Остальные укрыть. Ящики не ломать, ещё пригодятся.

Сазонов поднял голову от механизма.

— Так мы здесь будем?

— Нет.

— А если немцы?

— Тем более не будем.

— Пушка-то целая.

— Егор, — негромко сказал Лобанов.

— Я чего? Я просто…

— Ты механизм чисти.

Наводчик с силой протащил ветошь и замолчал.

— Лобанов, — сказал я. — Пока двое готовят выход из оврага. Двое на орудии. Нужны люди — скажешь мне. Сам

никого не забирай.

Он кивнул.

Вернувшись к бугру, я застал Кулешова за изготовлением носилок. Рядом Белов держал жердь и уже не смотрел в небо. Старшина пытался затянуть ремень зубами.

— Давай, — сказал я.

Взял конец, потянул. Кулешов просунул пряжку, проверил крепление.

— Вот теперь можно класть.

Мы втроём сдвинули раненого на брезент. Он застонал, вцепился в жердь. Кулешов отнял у него руку, положил на грудь.

— Не держись. Уронить тебя и без помощи можем.

Раненый судорожно выдохнул. То ли засмеялся, то ли просто хватил воздуха.

Вернулась посланная за дорогу пара. Орудие разбито. Нашли одного убитого, остальных не видели. Принесли винтовку, две каски и шинель. Я велел положить всё возле старшины.

Кулешов перебрал имущество, отдал винтовку пехотинцу. Каски сунул под носилки. Ни одной лишней вещи здесь уже не было.

С дороги донёсся короткий гудок. Все подняли головы.

Часовой прибежал следом за гудком. Полуторка, битком набитая людьми, прошла на восток. Он махал, но она не остановилась. Я дошёл до дороги: за поворотом висела пыль.

Кулешов встретил меня вопросом:

— А с четвёртым что?

— Сейчас посмотрим. Климов где?

— Ещё нет.

Мне это уже не нравилось.

Я взял у старшины винтовку, проверил затвор. Пять патронов. Кобура под мышкой всё ещё мешала, будто надета не на ту сторону.

— Двоих беру до поворота. Вы пока готовьтесь переносить. Отсюда никуда…

Со стороны леса затрещали кусты.

Климов вышел к бугру, держась за бок. Высокий, худой, с лицом, на котором пот превратил сажу в серые полосы. На рукаве у него висел репей.

— Товарищ старшина…

— Сюда, — сказал я. — Что там?

Он попытался вытянуться, но сбившееся дыхание не пустило.

— Наших нет. Ушли.

— Кого видел?

— У поворота двое пехотных были. Отставшие. Говорят, последняя колонна прошла. Командиров нет. Там орудие… колесо разбито. И машина поперёк, пустая.

— Пехотинцы куда?

— Дальше пошли. Я до пригорка добежал. Где деревня.

Он наконец вдохнул глубже.

— Там моторы, товарищ старший лейтенант.

— Наши?

— Не знаю. Не видел. Много. Снизу, от деревни.

Кулешов посмотрел на меня, потом на приготовленные носилки.

Из оврага донёсся голос Чумакова:

— Павел, да подожди ты! Пальцы оставишь!

Я вернул винтовку старшине.

— Климов, покажешь, откуда слышал. Только отдохни минуту. Кулешов, раненых дальше в лес. До той развилки между сосен. Двоих оставь на дороге смотреть в обе стороны. Машину увидят — пусть раньше кричат.

— А вы?

Я посмотрел туда, где за кустами торчал ствол.

До сих пор мы проверяли, можно ли спасти пушку.

Теперь надо было выяснить, успеем ли.

— Я к орудию.

Глава 2

— Вдвоём не поднимем, — сказал Лобанов, когда я вернулся.

Он стоял возле колеса, упершись руками в поясницу. На земле лежали две жерди. Одну уже успели сломать.

— А вчетвером?

— Поднять можно. Выкатить — нет. Землю выбрать надо и настелить. Тогда всем расчётом, с подмогой.

Сазонов вытирал ладони ветошью. Чумаков сидел на корточках возле обода, Осипов оттаскивал ветки. Я посмотрел на них и понял, что лезть сейчас под колесо пятым будет самой простой и самой бесполезной работой.

— Пока готовьте. Тянуть без меня не начинайте.

— Поглядите, что сошник держит, — сказал Лобанов. — Вон за тем кустом. Его тоже раскапывать.

Я обошёл куст, присел.

Сошник упёрся в корень. Орудие съехало после разрыва, станина врезалась в склон и теперь держала пушку не хуже якоря. Если дёрнуть разом, можно ещё глубже посадить колесо.

— Понял. Лопату сюда. Не рубить, пока не откопаем.

Чумаков встал и полез за инструментом.

С дороги донёсся крик.

Я выпрямился слишком резко. Под затылком ударило, пе-

ред глазами побежали чёрные точки. Пришлось подождать, глядя на собственный сапог. Он стоял в примятой траве и казался неправдоподобно узким.

— Товарищ старший лейтенант! Машина!

Я пошёл к дороге, стараясь не переходить на бег.

Грузовик показался из-за поворота, медленно переваливаясь на выбоинах. Трёхтонка. Помятый левый борт, разбитое ветровое стекло со стороны пассажира, несколько свежих дырок в кабине. На правом крыле болталась фара. Под радиатором висела тёмная тряпка, и с неё капало.

Часовой стоял посреди дороги, подняв обе руки.

Машина не остановилась. Сбавила ход, объезжая воронку, и поползла прямо на него.

— Уйди с дороги! — крикнул я.

Боец отскочил. Я вышел навстречу грузовику сбоку, показал на повязку у себя на голове, потом на лес. Водитель повернул ко мне лицо. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга через открытое боковое стекло.

Он ударил ладонью по ободу руля и затормозил.

Мотор остался работать.

— Раненые есть? — спросил водитель.

— Двое лежачих.

— Давайте. Только быстро.

— Заглуши.

— Потом не заведу.

Я подошёл к кабине. Водитель был тощий, черноволосый,

с глубокими складками у рта. На щеке засохла кровь. Из-под сиденья торчала рукоятка какого-то инструмента, на полу лежала промасленная рукавица.

— Куда идёшь?

— Вперёд.

— Очень точно. Часть?

Он ответил. Номер я запомнил, но он ничего мне не сказал.

— Фамилия?

— Мухин. Алексей. Вы раненых грузите, товарищ старший лейтенант, а знакомиться можно в пути.

— Ещё пушка есть.

Он перевёл взгляд с повязки на мои петлицы и обратно.

— У меня тоже. Только маленькая, в штанах. А большая этой машине уже не по силам.

Кулешов вышел из-за кустов. Увидев грузовик, сразу повернулся к часовому:

— К бугру. Носилки готовить. Без меня не поднимать.

И только после этого подошёл к нам.

— Что с машиной? — спросил я.

Мухин вытащил левую руку наружу и загнул палец.

— Вода уходит. Второе: на подъёме греется. Третье: заднее внутреннее спущено. Четвёртое: тормоза, скажем так, требуют заблаговременной дружбы. Пятое: бензин. Пушку не потяну.

— Сколько воды доливал?

— Ведро на последней остановке. До неё ещё ведро.

— Остановки далеко друг от друга?

Водитель посмотрел на меня внимательнее.

— Недалеко.

— Покажешь?

Он глянул на дорогу позади себя.

— Оттуда не стреляют пока?

— Пока нет.

— Ладно. Только если я тут закиплю насовсем, раненые ваши на месте и останутся.

Он дёрнул ручку, толкнул дверцу плечом и слез.

Левая штанина у него была разрезана ниже колена и стянута полоской ткани. Мухин наступил на ногу, переждал и только потом пошёл к капоту.

— Рябцев посмотрит, — сказал я.

— Он машину умеет?

— Ногу твою.

— Ногу потом. Ей ехать не надо.

* * *

Мухин заглушил мотор сам, когда мы убрали машину под прикрытие деревьев. После последнего рывка она встала с низким стуком, и водитель некоторое время сидел за рулём, прислушиваясь.

Я подождал.

Он вылез, открыл капот и показал повреждение. Осколок прошёл неглубоко, но плохо: течь уже пытались остановить,

и сделано это было на ходу, подручным железом. Внизу мокрело опять.

— Инструмент есть? — спросил я.

— Был бы полный, я бы не такой умный приехал.

— Кулешов!

Старшина появился почти сразу.

— Что?

— В разбитой машине инструмент остался?

— Забрал. Ключи, плоскогубцы. На носилки собирался ремни искать.

— Неси всё. Осипова от Лобанова позови, пусть с Мухиным работает. Остальные — раненых. С грузом подождать.

Кулешов не ушёл.

— В кузове-то место есть?

Мы обошли грузовик.

Место было. Кузов почти опустел. Остались три ящика, доски, рулон брезента, бухта троса и два мешка, привязанные у переднего борта. По полу были рассыпаны патроны, в углу чернела лужица масла.

— Эти что? — я показал на ящики.

— Пустые, — сказал Мухин. — Один с дровами. Два с воздухом.

— Снять.

— Воздух ваш будет. Дрова мои.

Кулешов откинул крышку ближнего ящика, проверил и позвал людей. Я полез на заднее колесо, схватился за борт.

Руки потянули, ноги ослабли. Только со второй попытки я перевалился внутрь.

Кулешов уже прикидывал, как уложить носилки. Рябцев забрался в кузов, проверил пол ладонью и попросил подстелить шинели.

— Сначала уберите всё, что катается, — сказал он. — И гвоздь вот этот.

Мухин подал снизу клещи.

Санитар подцепил гвоздь, потянул, не смог. Я присел рядом, взял у него инструмент. Гвоздь поддался с длинным скрипом.

— Фомин слева, — сказал Рябцев. — Этому ноги вытянуть надо. Между ними я сяду.

Кулешов поглядел на меня. Я кивнул.

Пока они устраивали место, я спустился к Мухину.

Осипов держал для него инструмент. Водитель работал быстро, но всякий раз, когда требовалось нагнуться, вытягивал больную ногу в сторону. Я сел на корточки рядом.

— Дай посветить.

— Днём-то?

— Тогда скажи, что держать.

Он посмотрел на меня, потом сунул в руку кусок жести.

— Вот здесь. Только пальцы уберите, как скажу.

Пальцы я убрал вовремя.

Минуты через три Мухин выпрямился, вытер губы рукавом и потребовал воду. Кулешов принёс полведра, най-

денного возле разбитой машины. Вода была с травинками и крошками земли. Водитель пропустил её через тряпку.

Мы смотрели вниз.

Капля собиралась, висела, долго не падала. Наконец сорвалась. За ней — другая, ещё медленнее.

— Лучше, — сказал Мухин.

— Насколько?

— Поедем — увидим.

Я перевёл взгляд на заднее колесо.

— С этим что?

— Запаску видели?

Я видел. Она лежала у переднего борта без покрышки.

— Камера есть. Время будет — займусь. Сейчас на наружном дойду. Если без дури.

— Пушку всё-таки возьмём.

Мухин молча сплюнул в сторону.

— Я же сказал, раненых возьму.

— Их первыми. Пушку к сцепке. Люди пешком.

— А вы подъём видели?

— Какой?

Он показал за дорогу.

— Через лес к выселкам. Туда наши шли. Там песок и колея. С прицепом сяду, а назад уже не сдам. И тогда всё ваше добро вместе останется.

Я достал карту.

Мухин посмотрел на неё без интереса.

— Где мы?

Он всё же придвинулся. Показал пальцем дорогу, развилку, деревню. Я сверил с тем, что успел увидеть. Сходилось не всё, но направление стало понятно.

— До подъёма сколько?

— Версты полторы. Может, меньше.

— Мотор по ровному тянет?

— Тянет.

— На коротком куске пушку увезёшь?

Мухин почесал щёку.

— На коротком-то увезу. А дальше что?

— Дальше осмотрим дорогу. Здесь бросать исправную пушку пока рано.

— Вам рано. Мне как раз вовремя.

— Мухин, посмотри на меня.

Он посмотрел. В глазах у него не было ни испуга, ни желания угодить. Только злость уставшего человека.

— Я слышу, что ты говоришь. На подъём вслепую не полезем. Раненых перегружать не будем. Где нельзя будет тянуть — остановимся и решим. Сейчас вытащим её на дорогу.

— Значит, когда скажу, что машина встала, вы меня услышите?

— Услышу.

— Ладно. Только сцепку посмотрю сам.

Он пошёл к заднему борту, заметно прихрамывая.

* * *

Пока мы возились с машиной, Лобанов успел сделать почти всё, что мог без людей. Освободил станину, подкопал колесо, сложил рядом короткие чурки. Вдоль склона наметил выход.

— Если вон так развернуть, — он провёл рукой, — колесо пойдёт положе. Но люди понадобятся.

Я оглянулся.

Из четырнадцати двое лежали. Ещё трое были ранены, хотя один мог помогать здоровой рукой. Санитара от них не оторвёшь. Мухин работал у сцепки. Климов отдыхал и смотрел дорогу вместе с часовым.

— Старшина, — позвал я.

Кулешов закончил укладывать второго раненого. Услышал, повернулся.

— Дай всех, кто свободен. Кроме Рябцева и наблюдателей.

— Белов нужен на погрузку.

— Погрузим после. Сейчас пусть идёт.

Старшина посмотрел на носилки, потом подозвал мальчишку. Сам пришёл вместе с ним.

Нас набралось восемь, считая меня. Лобанов распределил людей, ещё раз показал, куда давить и где не держаться. Мухин принёс трос, осмотрел место, покачал головой.

— Машиной отсюда не дёрну. Угол плохой. Сами на ребро поставите.

— Знаем, — сказал Лобанов.

— Тогда чего зовёте?

— Трос твой нужен, а не советы.

Мухин протянул ему конец.

— Советы бесплатно. За трос потом поговорим.

Я встал рядом с Чумаковым у жерди. Тот подвинулся, освобождая место.

— С затылком бы вам не надо, — сказал он.

— Тяни по команде.

— Так я и говорю. С затылком командовать легче, чем тянуть.

Кулешов хмыкнул. Я посмотрел на старшину, потом на расчёт. Осипов уже держал конец троса, Белов с пехотинцем устраивались возле колеса.

Я уступил своё место Кулешову.

Это оказалось труднее, чем должно было.

— Лобанов, давай.

Сержант дождался, пока все приготовятся, и скомандовал.

Пушка едва шевельнулась. Из-под обода выдавило мокрый ком. Чумаков тяжело выдохнул, Белов поскользнулся и сел.

— Стой! — сказал Лобанов.

Все замерли.

Кулешов придерживал жердь плечом, Чумаков скалился, не разжимая рук. Я подбежал с чуркой, но Лобанов сам показал, куда её положить.

— Пальцы убрали. Плавно отпускай.

Орудие осело на подкладку.

Маленький успех. Почти незаметный со стороны. У Чумакова на лбу проступил пот, Осипов дышал через открытый рот.

— Ещё раз, — сказал Лобанов.

Во второй раз колесо поднялось выше. В третий — вышло из ямы.

Теперь пушку требовалось удержать, пока переставляли жерди. Её тянуло обратно в овраг, а ствол мешал пройти между деревьями. Сазонов полез к щиту, чтобы помочь, и Лобанов отогнал его одним словом.

Я держал подкладку. Дерево содрало кожу с ладони. Сначала я не почувствовал, потом защипало, и рука стала скользить.

— Ещё немного!

Кулешов качнулся вперёд всем телом. Пушка тяжело перевалилась, выровнялась и покатилась быстрее, чем мы хотели.

— Держать!

Я успел отдёрнуть руку. Лобанов и Чумаков навалились, трос натянулся, Белов снова упал, но не отпустил. Орудие остановилось в нескольких шагах от края.

Мы постояли молча, согнувшись.

Первым выпрямился Мухин.

— Вот теперь к машине можно. Только передок нужен.

Лобанов указал на кусты за дорогой.

— Там.

Я раньше принял его за ещё одну разбитую повозку. Передок лежал на боку, но, когда расчистили ветки, оказалось, что его просто стянуло с дороги. Оглобли были целы, колёса тоже.

— Сколько ещё этого счастья? — спросил Кулешов.

— До вечера рассказывать, — отозвался Мухин. — Вы только скажите, когда немцы придут. Чтобы закончить успели.

Мы поставили передок на колёса. Лобанов осмотрел соединения. Мухин забраковал один ремень, нашёл цепь, потребовал ещё ключ. Я принёс.

С пушкой вышли на дорогу уже почти без разговоров. Люди упирались, отдыхали по нескольку вдохов, опять брались за дерево и железо. Раненый в плечо Кочетков хотел помочь, но Кулешов прогнал его к машине.

На ровном стало легче.

Когда орудие наконец оказалось за грузовиком, я обнаружил, что у меня дрожат колени. Не от страха. В животе было пусто. Я сел на обочине, будто решил проверить сапог.

Чумаков присел рядом.

— Курите?

— Нет.

— Правильно.

Он достал кисет, повертел в руках и убрал обратно.

— Сам не стал? — спросил я.

— Во рту и так как в печке. Водички бы.

Я протянул флягу. Он взял маленький глоток, облизнул губы, вернул.

— Спасибо.

Мы посидели ещё несколько секунд. Потом Чумаков встал, хрустнув коленями.

— Пойду я. Пока без меня всё не поломали.

* * *

С погрузкой дело пошло хуже, чем с пушкой.

Каждый тащил своё. Сазонов принес ящик выстрелов, потом ещё один. Кулешов выложил возле борта два мешка, инструмент, котелки, скатку брезента и маленький деревянный ящик, который всё время держал возле ноги.

Мухин посмотрел на растущую кучу и сел на подножку.

— Я вас в штаб не везу. Я вас на свалку везу.

— Отойди, — сказал старшина. — Сами уложим.

— Вы уложите. А потом я под горой лягу. Все при деле.

Я попросил Лобанова назвать вес снарядного груза. Тот прикинул. Сазонов тут же полез поправлять, напоминая о двух выстрелах за канавой.

— Их мы оставили, — сказал я.

— Так я не про них. Там ещё…

— Егор, — перебил Лобанов.

Наводчик замолчал, глядя на меня исподлобья.

Кулешов открыл свои мешки. Хлеб, сухари, крупа, пере-

вязочный материал, найденные в кабине перчатки, какие-то бумаги. В маленьком ящике оказались масло, ветошь и инструмент.

Я потянулся к мешку с крупой.

— Это сколько?

— На нас дня на три, если жидко, — ответил старшина.

Сазонов усмехнулся.

— Жидко у нас и так будет, если снарядов не хватит.

Кулешов медленно повернулся к нему.

— А ты с голодухи прицел зубами крути. Руки-то отнимутся.

— Еду по дороге добудем.

— Ты уже добыл? Где лежит, покажи.

— Хватит, — сказал я.

Оба замолчали не сразу.

Я посмотрел в кузов. Раненые заняли больше места, чем представлялось. Их уложили правильно: Рябцев добился своего, и теперь хотя бы один человек мог между ними пройти. Остальное место быстро заполнялось вещами. Запасная вода. Водительский инструмент. Шинели, которые ещё понадобятся ночью.

Масса была только половиной беды. Чтобы добраться до раненого, не пришлось бы разгружать весь кузов посреди дороги.

Я велел снять всё, кроме уже уложенных носилок, и складывать заново.

Мухин с подножки поднялся.

— Ну вот. А говорили, быстро.

— Работай, — сказал я. — Ногу потом покажешь.

— С вашей скоростью она сама заживёт.

Я оставил двадцать выстрелов. Восемь велел вернуть в укрытие у орудия. Сазонов открыл рот, но Лобанов взял его за локоть.

— Слышал приказ.

Они отнесли ящик вдвоём.

Крупу оставили. Один мешок переложили, пересыпав часть в два котелка. Выигрыш в весе получился смешной, зато освободилось место. Кулешов смотрел на мои руки с таким выражением, будто я сейчас собирался рассыпать всё на землю. Я отдал ему мешок.

— Сам.

Он взял без слова.

Излишки досок сняли. Две оставили под раненых и на случай грязи. Трос закрепили снаружи, чтобы не пришлось искать. Инструмент уложили у заднего борта. Мухин проверил, можно ли открыть его без разгрузки, и только тогда забрался в кабину.

Я попросил у старшины еду.

Он посмотрел на меня, достал ломоть хлеба, потом ещё кусок, поменьше. Намазал по нему ножом то, что оставалось в жестяной банке.

— Жуй. Не на потом.

Я жевал, стоя возле борта. Зубы попадали на песок. Хлеб был кислый, жир солёный, и меня вдруг пробрало таким голодом, что пришлось удержаться от просьбы дать ещё.

Кулешов раздал остальным. Сазонов взял свой ломоть молча. Чумаков съел половину, вторую завернул в тряпицу.

Мухин завёл мотор со второй попытки.

По краю капота прошла мелкая дрожь. Водитель подержал двигатель на малом, слез, снова заглянул под машину. Потрогал сцепку, проверил цепь, поднялся обратно.

— Можно. Только разом на борт не лезть.

— Здоровые идут, — сказал я.

— А то я не знаю. Некоторые здоровые по бумагам бывают.

Кулешов обошёл людей, пересчитал. Потом посмотрел на меня.

— Все.

Я тоже пересчитал. Пятнадцать вместе с вернувшимся Климовым. Мухин — шестнадцатый. Двое в кузове, Рябцев возле них, раненые полегче могли идти, но недолго.

На поляне оставались горящие машины, разбитые пушки и люди, которых мы уже не могли взять.

Я отвёл взгляд от дыма.

— По одному вдоль обочины. От машины не отставать. Климов, вперёд до поворота, потом жди. Сам дальше не ходи.

Он поправил ремень и побежал.

Мухин высунулся из кабины.

— А вы где?

— Здесь.

Я показал на место рядом с передним колесом.

— Вы там не ходите. Я вас оттуда не вижу.

Пришлось отойти.

Грузовик натянул сцепку. Передок дёрнулся, потом покатилось орудие. Сазонов шёл рядом с колесом и всё оглядывался, будто ожидал, что оно сейчас отвалится.

Пушка ехала.

Я почему-то только теперь поверил, что мы действительно уходим.

Через несколько сотен шагов Мухин остановился. Я успел разозлиться, прежде чем увидел Климова.

Тот бежал обратно, низко пригнув голову.

— Ложись за машину, — сказал я Кулешову. — Людей с дороги.

Климов остановился возле меня.

— На развилке немцы.

— Видел?

— Видел. Мотоциклы. Машина за ними. Пехота по сторонам. Нашу полуторку там…

Он сглотнул.

— Стреляли. Она в кустах стоит.

Я посмотрел вперёд. За деревьями дороги уже не было видно.

Мотор работал ровно. От раненых донёсся кашель, затем тихий голос Рябцева: просил лежать спокойно.

Мухин не глушил.

— Далеко? — спросил он.

— До развилки метров четыреста, — ответил Климов. — Они у столба.

Водитель посмотрел на меня.

— Ну что, товарищ старший лейтенант. Подъём теперь можно не обсуждать.

Глава 3

Мухин сдал назад, но передок начал забирать в сторону. Пришлось остановиться. Людей Кулешов уже увёл за деревья.

Климов дышал возле меня, открыв рот.

— Веди, — сказал я Климову. — Осипов, с нами.

Лобанов проводил нас взглядом.

— Пока снимай. С дороги только убрать. Не разворачивать.

За деревьями впереди изредка стучал мотор. Климов остановился раньше, чем я ожидал. Показал на белый ствол, лёг и пополз. Мы с Осиповым последовали за ним.

Из-за берёзы открывался дорожный треугольник. Наш просёлок выходил к более широкой дороге. За ней стояли несколько кривых сараев и маленькая будка с обвалившейся крышей. Слева начинались огороды, дальше — деревня. Справа дорога уходила вверх, между редкими соснами.

Два мотоцикла стояли возле столба. У одного копался человек в серой форме. Второй был пуст. За будкой виднелась машина с крытым кузовом, возле неё ходили солдаты. Один сидел на брусе у канавы и ел.

Наша полуторка ушла с дороги в кусты. Кабина почти скрылась в ветках. В кузове кто-то лежал поперёк борта. Под машиной не было видно ног. Я долго смотрел, ожидая дви-

жения.

Не дождался.

Немец возле мотоцикла выпрямился. Перебросил ногу через седло, что-то сказал другому. Тот махнул рукой на наш просёлок.

Я медленно опустил бинокль.

— Назад.

Отползли, поднялись только за деревьями.

— Сколько? — шёпотом спросил Осипов.

— Видел восьмерых. За машиной могут быть ещё. Один мотоцикл собирается сюда.

Климов посмотрел на меня.

— Там справа тропка была. От нас. К ручью.

— Машина пройдёт?

— Не знаю. Пешком точно. Я по ней вернулся, как первый раз ходил.

На карте проезда не было. Только ручей, луг, дорога и снова лес.

— Покажешь. Сейчас. Осипов, к старшине. Скажешь, немцы на развилке, мотоцикл может выйти на нашу дорогу. Пусть не стреляют без нужды. Спрячут машину насколько смогут. Ждать меня.

Он повторил и побежал.

Я пошёл с Климовым.

Меня тянуло вернуться и самому проверить машину. Пришлось взять себя в руки.

Тропа оказалась старым лесным проездом. На повороте её завалило ветками, дальше между кустами шли две колеи, забитые листьями. Ширины хватало. Высоты — не везде.

Я дошёл до первой низкой ветки, поднял её рукой, посмотрел вперёд. Сквозь листву светлело небо.

Проезд выходил к лугу.

У нижнего края луга темнел ручей. Через него были переброшены брёвна, присыпанные землёй. По ту сторону поднималась низкая полоса кустов, потом шла широкая дорога — та самая, на которой стояли немцы. Старый проезд пересекал её и продолжался в лесу.

С развилки просматривалась вся середина луга. Мухину требовалось спуститься, пройти мостик, подняться к большой дороге и пересечь её. До укрытия на другой стороне оставалось метров двести открытого места. Грузовик с пушкой успеют заметить десять раз.

Я присел в кустах.

Отсюда немцев было видно хуже. Будка скрывала машину, мотоциклы угадывались возле столба. Зато дорога между ними и проездом лежала как на ладони.

Климов шмыгнул носом.

— Тут-то наши ходили. Следы свежие.

Я посмотрел под ноги. Шины, подковы. Колеи действительно не успело затянуть водой. Одна была шире другой. Транспорт проходил, но какой и с каким грузом, неизвестно.

— До мостика дойдёшь, посмотришь. Вниз не спускайся,

если тебя с развилки видно. Не видно — проверишь брёвна. Потом ко мне. Я здесь.

Он кивнул и исчез в кустах.

Я поднял бинокль.

Мотоцикл на развилке завёлся. Человек у канавы встал, поправил ремень. Ещё двое направились к нашей полуторке. Один ткнул стволом в кузов.

Никто там не пошевелился.

Я убрал бинокль и провёл ладонью по лицу. На пальцах осталась грязь. Свою повязку я уже почти не чувствовал, только голова гудела глухо и непрерывно.

Идти пешком было можно. Забрать раненых на носилках, бросить машину с пушкой, пройти лесом. Четверо на одни носилки, четверо на другие. Дальше менять людей, останавливаться каждые двести шагов. К вечеру оба тяжёлых могли умереть у нас на руках.

Я опять посмотрел на луг.

Здесь можно было провести машину. Орудие тоже. Только развилка должна была на несколько минут заняться другим делом.

Климов вернулся мокрый по колено.

— Снизу зашёл. Брёвна держат. Посередине земля осыпалась, но колёса пойдут. Там след грузовой есть.

— Назад, — сказал я.

Когда мы дошли до машины, Лобанов встретил нас у края проезда.

— Мотоцикл был. До воронки доехал, развернулся. Нас не видел, в лес не заходил.

— Давно?

— Только что.

Кулешов стоял за ним, держа винтовку.

— Чего делать будем?

— Тут выход есть. Через луг на другую сторону большой дороги.

— Далеко до него?

— Коротко. Но на виду у развилки. Пушку поставим здесь, прикроем проход машины. Потом снимемся.

Лобанов смотрел на меня, не перебивая.

— Времени мало, — добавил я. — Они дорогу посмотрели, теперь могут пехоту прислать. Мухина сюда.

Водитель подошёл, вытирая руки.

— Опять заводить?

— Сначала со мной. Дорогу покажу.

Он посмотрел на больную ногу, потом на лес.

— Показывайте. Только быстро ходить я сегодня кончил.

* * *

На месте Мухин долго смотрел на склон, потом спустился к ручью. Я остался наверху, злясь на каждую секунду.

Водитель прошёл по брёвнам, осмотрел колею за ручьём и вернулся. На развилке громко смеялись.

— Пустой бы прошёл, — сказал Мухин.

— Раненых не снимать.

— Знаю. Здесь толкнуть придётся. На выходе с мостика. И две доски на раскисшее, что мы оставили.

— Пушку потом увезёшь?

— Увезу, если выйду на сухое. На мостике пушку направляйте: машина там пройдёт, а сзади колесом соскочить можно.

Я кивнул.

— После прохода машину ставишь за лесом. Раненые там остаются с Рябцевым. Остальные возвращаются к пушке.

У машины собрали людей. План пришлось проговорить дважды. На первом круге выяснилось, что Лобанов понял место орудия иначе. На втором — что Кулешов собирается оставить при раненых Белова.

— Он понадобится здесь, — сказал я.

— А Рябцев один двоих перевернёт, если надо будет?

— Белов с ранеными, — согласился я. — Остальных хватит.

Лобанов взял с собой расчёт. У меня остались Климов, Кулешов, пехотинец и двое раненых полегче. Одного, с перебитым предплечьем, посадили возле кабины. Кочетков идти мог, винтовку держал левой.

Если машина встанет, людьми на лугу руководит старшина. Я остаюсь с орудием. Это повторили отдельно.

— По дороге мимо немцев не бежать, — сказал я напоследок. — Даже если покажется, что близко. Только через луг.

Пушку выкатили к кустам без грузовика. Пока толкали по

колее, я шёл сзади, помогая на поворотах. Ноги уже не дрожали, хлеб сделал своё дело, но пот тёк по спине так, будто я работал в зимней куртке.

Перед щитом оттянули ветку, привязали, чтобы не мешала стволу. Передок оставили за кустами.

Я лёг сбоку от орудия. Отсюда были видны развилка и край большой дороги. Мухин уже подвёл машину к началу спуска. Кулешов присел возле переднего колеса и ждал.

Сазонов прильнул к прицелу. Лобанов тихо поправил его, показал рукой. Чумаков стоял с выстрелом, Осипов — за ящиками.

Я назвал цель: грузовик за будкой. Он загораживал людей, но стоял поперёк, и часть борта хорошо просматривалась. Лобанов посмотрел, уточнил. Сазонов подвёл ствол.

— Заряжай.

Затвор лязгнул. Чумаков отступил.

Я оглянулся на Мухина. Показал: приготовиться.

Водитель кивнул.

— Огонь.

* * *

Первый выстрел оглушил сильнее, чем я ждал.

Лес ударил звуком со всех сторон. Ветки над щитом затряслись, в лицо швырнуло пыль. Я успел увидеть разрыв у будки, левее грузовика. Крыша дёрнулась и сползла внутрь.

Люди на развилке исчезли. Один упал возле столба, двое метнулись за машину. Остальных закрыли дым и земля.

Сазонов что-то крикнул. Лобанов ответил, не повышая голоса.

Я заставил себя смотреть на орудие.

Ствол вернулся. Лобанов проследил за ним, сунул руку под щит, коротко оглянулся на меня. Работает.

— По машине, — сказал я.

Следующий выстрел пришёлся ближе. На этот раз грузовик качнулся, из-под кузова вылетели щепки. Гореть он не начал. Человек, лежавший рядом, попытался отползти.

— Мухин! Давай!

Я поднял руку.

Грузовик пошёл вниз. Кулешов и трое бойцов бежали рядом, на неровностях хватались за борт. Над ними мелькнуло белое лицо Рябцева. Санитар сидел в кузове, уперевшись спиной в доску, и обеими руками держал носилки.

На развилке ударила очередь.

Я приподнялся, пытаясь увидеть стрелявшего.

— Не высовываться, — сказал Лобанов.

Сказал мне. Я лёг обратно.

Мотоцикл у столба повалили или уронили. Второй завёлся, проехал вперёд и встал за будкой. Немцы больше не метались. Один перебегал по канаве, другой полз к насыпи с чем-то длинным перед собой.

— Вон там, справа от будки, — сказал я.

Лобанов увидел.

Третий выстрел поднял землю возле канавы. Пулемёт за-

молчал. На секунду показалось, что всё кончено, что немцы сейчас побегут и можно будет спокойно ехать.

Потом из-за сарая ударили снова.

Ветку над нами перерубило пополам. Свежие листья посыпались на щит.

Чумаков пригнулся с новым выстрелом в руках.

— Здесь, — сказал Лобанов. — Не торопись.

Я оглянулся на луг.

Мухин дошёл до ручья. Грузовик встал передними колёсами на брёвна, кузов накренился. Кулешов поднял руку, водитель выровнял. Машина медленно проползла вперёд.

Теперь подъём.

Мотор взревел. Заднее колесо швырнуло грязь. Мухин сбросил, дал машине осесть, опять потянул. Бойцы упёрлись в задний борт.

Машина не шла.

Я выругался.

Климов, стоявший возле меня, дёрнулся к лугу.

— Стой. Там уже толкают.

Климов лёг обратно.

У развилки опять застрочило.

Четвёртый выстрел мы дали по краю сарая. Доски разлетелись, пулемёт затих. Я не знал, попали ли в людей. Мне хватало того, что они перестали стрелять на несколько секунд.

Внизу машина дёрнулась. Выбралась на сухое, пошла

вверх. Кулешов отскочил от борта и махнул рукой.

Я наконец выдохнул.

— Готовиться сниматься.

Лобанов услышал. Осипов закрыл ящик, оттащил его назад. Чумаков положил очередной выстрел на ветошь.

Сазонов остался у прицела.

Я поднял бинокль.

Второй мотоцикл выскочил из-за будки на большую дорогу. На нём сидели двое. Один оборачивался в нашу сторону. Они уходили от развилки на запад, к деревне.

— Вижу! — сказал Сазонов.

Он быстро крутил маховик. Лобанов уже повернулся к Осипову и не сразу понял, что наводчик опять ловит цель.

— Не стрелять, — сказал я.

— Да я его…

— От орудия!

Мотоцикл подпрыгнул на выбоине. Мне тоже захотелось выстрелить. Догнать его в прицел, хлопнуть ещё раз и смотреть, как летит в канаву. Очень простое желание после того, как пули срезали ветку над твоей головой.

— Егор! — рявкнул Лобанов.

Наводчик убрал руки.

Я показал на луг.

Мухин пересекал большую дорогу. Грузовик вышел на неё медленно, почти встал на переломе колеи. На развилке его уже увидели: двое немцев перебежали к краю насыпи.

— Заряжай. По насыпи, у столба.

Сазонов замер на полсекунды, потом вернулся к прицелу.

Пятый выстрел лёг перед немцами. Земля закрыла дорогу. Когда дым разошёлся, грузовик уже исчезал между деревьями на другой стороне.

Мотоцикл тоже исчез.

— Всё. Сниматься.

Лобанов дёрнул Сазонова за плечо. Наводчик поднялся, снял панораму, прижал к груди. Чумаков убрал выстрел в ящик. Мы взялись за пушку.

Выкатывать назад оказалось тяжелее, чем вперёд.

Колесо упёрлось в пенёк, которого раньше не заметили. Лобанов с Осиповым потянули за станину, Чумаков приподнял с другой стороны. Я навалился плечом и почувствовал, как горячее потекло по ладони. Содранная кожа разошлась.

Где-то близко щёлкнуло. Кора ударила мне в шею.

— Ниже! — крикнул Климов.

Мы уже не могли стать ниже. Орудие сдвинулось, зацепилось опять и наконец вышло из просвета между кустами.

За деревьями стало тихо.

Не на самом деле. Я просто перестал слышать пулемёт сквозь звон в ушах.

Сазонов стоял возле ствола, белый, злой.

— Убери прибор и помогай.

Он спрятал панораму и взялся за железо.

* * *

За поворотом проезда снова соединили пушку с передком. Климов побежал вниз, к Мухину. Остальные прижались к земле, ловя воздух.

Я вытер кровь с ладони о траву. Лобанов осмотрел пушку, провёл рукой по металлу.

— Порядок.

Я пересчитал людей. Все четверо на месте, Климов ушёл с приказом.

Издалека донёсся глухой удар. Потом ещё один. Я прислушался. Разрывы были у нашего прежнего места, но определить, чем били, не мог.

Чумаков посмотрел поверх моего плеча.

— Хорошо, что уехали.

— Ещё не уехали, — сказал Лобанов.

Вернулись Климов, Кулешов и бойцы. Старшина был без пилотки, с полосой грязи поперёк лба.

— Раненые целы. Мухин греется. Назад на этот подъём он не пойдёт.

Значит, пушку тащим сами. Он поможет уже с той стороны.

— Давай трос, — сказал я. — И доски с мостика не убирать.

Кулешов повернулся к людям.

— Слышали. Чего стоим?

На спуске пушку удерживали сзади. Чумаков молчал, Кулешов ругался через каждый выдох. Лобанов шёл у колеса.

У ручья остановились.

Одно бревно лежало выше остальных. На нём белели свежие следы шин. С грузовиком всё прошло, у орудия колея была другая. Лобанов посмотрел, потребовал доску и ещё двух человек на левую сторону.

По брёвнам шли медленно. Лобанов придерживал колесо, Чумаков направлял с другой стороны. Орудие прошло.

На подъёме пришлось останавливаться трижды. Каждый раз Лобанов подкладывал под колесо чурку, и мы стояли, не отпуская рук, пока он не скажет. Под конец я уже не чувствовал пальцев.

До большой дороги добрались ползком и матом.

Климов перебежал на другую сторону, потом вернулся. Немцев не было видно. Стрельба у развилки прекратилась, и от этого стало только хуже: теперь никто не знал, чем они заняты.

За дорогой показался Мухин. Притащил трос, оглядел нас, ничего не сказал. Один конец унёс к машине.

— Быстро только не дёргай, — крикнул Лобанов.

Мухин поднял руку: слышу.

Сцепились. Выбрали слабину. Грузовик потянул, люди помогли, и орудие полезло на твёрдую дорогу.

Открытое место мы прошли медленно. Я всё ждал очереди с развилки. Потом за нами сомкнулись деревья.

Остановились. Из-под капота пахло горячим. Кулешов послал за водой, Мухин занялся машиной.

Сазонов сидел на поваленной сосне. Панорама лежала у него на коленях. Он протирал её чистым уголком ветоши, хотя я уже видел, что стекло чистое.

Я сел рядом.

— Навёл хорошо, — сказал я.

Он пожал плечом.

— Первый левее ушёл.

— Остальные куда надо. Мотоцикл зачем ловил?

— Уходил он.

— Видел.

— Догнал бы.

— Только наша машина в это время на дорогу вылезла. Ты её видел?

Сазонов не ответил.

— А потом сами велели ещё стрелять.

— По тем, кто мог остановить Мухина. Не по тому, кто от нас уехал. Разницу понимаешь?

— Понимаю.

— В следующий раз отходишь сразу, как приказано.

Он кивнул.

Я встал. За спиной Лобанов сказал негромко:

— Ветошь убирай. Колёса проверь.

У кузова меня встретил Кулешов.

— Кочеткова тащить надо. Ему хуже.

Раненый в плечо сидел возле дерева. Лицо мокрое, глаза закрыты. Пока здоровые толкали пушку, он прошёл луг сам.

Теперь расплачивался.

— Место найдём, — сказал я.

— Найдём, если что-то снимем.

Мухин вылез из-под капота и подошёл к нам.

— Течь опять пошла. Не так, как было, но пошла. И дальше дорога хуже.

Я посмотрел на кузов.

Пять выстрелов принесли нам проход через дорогу. Ни исправного колеса, ни места для раненого от этого не прибавилось.

— Что снимем?

Кулешов уже приготовил ответ. Один ящик с выстрелами, лишние котелки, часть досок. Освободить место для Кочеткова, снять вес с машины.

Лобанов подошёл, услышав про ящик. Посмотрел на дорогу позади нас.

— Сколько оставить?

— Двенадцать.

Он прикинул, кивнул.

Сазонов ничего не сказал.

Мы выбрали три выстрела, которые нельзя было взять. Отнесли вместе с пустой тарой подальше от дороги, укрыли. Кулешов оставил там же котелки из подобранного имущества и тяжёлую доску, испачканную маслом. Хлеб и перевязочный материал сохранил.

Кочеткова посадили у переднего борта. Под руку ему под-

ложили свёрнутую шинель. Рябцев дал воды, поправил повязку, велел не дёргаться.

Я помог Лобанову закончить сцепку. Мухин проверил её ещё раз, хотя видел, как мы делали.

Никто не возразил.

Дальше шли вдоль колеи, дожидаясь, пока Мухин проползёт очередную низину. Я считал шаги. Голова болела меньше — или я привык.

Впереди Климов поднял руку.

Мы остановились.

На следующем повороте стояла повозка. Она накренилась, левое колесо лежало отдельно. Лошадь была запряжена, но передние ноги подогнулись, голова почти касалась земли.

Возле неё сидел красноармеец с винтовкой. Увидев нас, поднялся и зачем-то снял пилотку.

Из повозки донёсся стон.

Я подошёл. Под двумя шинелями лежали люди. Один приоткрыл глаза. Второй не шевелился. На передке сидел ещё один, с подвязанной рукой, и молча смотрел на грузовик.

Мухин заглушил мотор.

За спино

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.